

Михаил СИНЬКЕВИЧ, 1937, г. Москва, Россия

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

Людские судьбы - как дороги: одни - пересекаются, теряясь далее в бесконечности; другие, встретившись, в едином потоке бегут в вечность; третьи же бегут друг от друга.

Я благодарен Богу за встречу в 2004 году с талантливым белорусским поэтом Тризной Леонидом Михайловичем, за то, что наши судьбы счастливо пересеклись. Он подарил мне тогда свой сборник стихов «Наперекор неласковой судьбине» с пожеланием благополучия и благоденствия. Для меня это был не просто подарок: ведь у детей войны судьбы схожи!..

Мне понравились его нежные и горькие, но не замутненные, а чистые, как детская слеза, поэтические строчки. Во многих стихотворениях, вошедших в этот сборник, удалось найти и частицу моей души, и она озарялась новым, неизбывным светом.

Поэт родился 30 июня 1937 г. в городском поселке Паричи Гомельской области. В июле 1941 года фашисты зверски расстреляли его отца, Михаила Александровича (1901 г.р.), а четырехлетний Лёня с матерью Антониной Вацлавовной (1910 г.р.) и сестрой Женей (1940 г.р.) оказались в немецком рабстве. Да, именно там, в неметчине, в неволе, в лагерных бараках и в конюшне бауэра. А потом - в американской зоне оккупации и в советской, где-то в приэльбинских краях.

Выжил Лёня и его сестра Женя только благодаря маме - простой женщине, всю жизнь посвятившей своим детям. Она, спасшая их в годы войны, дала обоим высшее образование в тяжелейшее послевоенное время, когда такое не часто удавалось многим семьям.

В своем рассказе «Красные помидоры» Леонид Михайлович вспоминает,

что когда немецкие солдаты в августе 1941 года гнали большую группу женщин и детей через польские селения, то его мама успевала подбегать к местным жителям, стоявшим иногда у калиток, со словами: - «Пшепрашем, пани ... Пшепрашем, паненка ...Пшепрашем, пана»...

Мама Лёни говорила еще какие-то слова по-польски, которых он не понимал, но знал, что она просила дать ей что-либо из еды - ее детям. И ей подавали, часто значительно больше, чем другим женщинам, которые тоже просили, но не знали польского.

Очередная ночевка была на обочине дороги под открытым небом. От морозящего дождя женщины, как могли, старались укрыть детей. К середине следующего дня они дошли до какого-то города. Их загнали за колючую проволоку, прогнали по территории с бараками и затолкали еще за один ряд колючей проволоки. Группа оказалась отрезанной от города лагерем военнопленных, что стало известно только вечером, когда мужчин пригнали с работ.

Наутро маленький Лёня не смог подняться. Не знает, что с ним было - несколько дней он метался в бреду, часто теряя сознание. Мама не отходила от него, хотя ей и некуда было отходить в битком набитом бараке.

Лёне совершенно не хотелось ничего есть, но мама постоянно допытывалась: «Чаго табе, сыночак, хотелось бы? Чаго б ты зьеў?.. ».

Очевидно, в ответ на эти ее материнские мучения в один из проблесков сознания он выщавил: «Красных помидор ...». И снова впал в забытье...

Сколько еще был в забытии - Лёня не знает. Помнит только, что когда однажды пришел в себя, то увидел: мама сидит рядом, скорбно смотрит и осторожно протягивает ему мисочку красных помидоров! Полную!

Так и не смог Лёня сказать точно, съел ли он сразу хоть одну помидорку.

Но вздохнул облегченно и . . . задремал спокойно. А вскоре и выздоровел.

...Позднее он мог только догадываться, как все происходило. Представлял,

как мама мечется вдоль колючей проволоки, в слезах подзывая то одного, то другого из совершенно незнакомых ей военнопленных, умоляя помочь в её материнском горе. Представлял, как этот крик сердца его мамы передается по мужскому лагерю, как доходит он до кого-то, кто имел связь с городом, как кто-то из городских жителей приносит к колючей проволоке те помидоры в мисочке, как «проходит» мисочка та - полная! с горой! - через два лагеря полуголодных людей, пока не оказывается - спасительно! - около Лёни.

Леонид Михайлович никого не знал и никогда уже, к сожалению, не узнает из тех многих, через чьи руки прошла та мисочка с красными помидорами. Мама Лёни как-то говорила, что он тогда был совсем, совсем . . . у самого края.... И очень удивлялась, что он запомнил те помидоры. Более шестидесяти лет Леонид Михайлович помнил ту мисочку, а значит и всех прикасавшихся к ней. Всех, даже в неволе сохранивших человечность. И все это время он не мог спокойно - без подступающих слез - вспоминать о том.

В августе победного 1945-го они возвратились из Германии домой. После окончания Паричской средней школы Леонид Тризна работал на стройке, затем три года служил в армии. Окончил Белорусский политехнический институт, жил и работал в Москве и Подмосковье. С декабря 1985 года из-за инвалидности ушел на пенсию.

Первые стихи были опубликованы в 1982 году, годом позже - первые очерки. А в 1985 - первый рассказ. На стихи Леонида Тризны было написано более 30 песен, среди которых и песня "Подранки", посвященная бывшим несовершеннолетним узникам фашистских концлагерей (музыка Ирины Марченко, г. Рогачев).

Все поэтические творения Леонида Тризны объединены темой опаленного войной его детства и дальнейшего жизненного пути. Леонид Михайлович - чуткий лирик и пейзажист - глубоко через свое сердце пропускал

трагическую летопись Полесья, родной Белоруссии, а в зрелом возрасте он проявил себя и как острый публицист и сатирик.

В 1994 году одновременно был принят в Союз писателей России и в Союз журналистов России. Казалось бы, жить да жить, и творить... Однако, в расцвете творческих сил 21 ноября 2006 г., он безвременно ушел из жизни. Захоронен рядом с матерью в Паричах.

Во время наших встреч с Леонидом Михайловичем, рассказывая о пережитом, я замечал, как менялось выражение лица поэта, так как, он был не просто чутким слушателем и собеседником, а участником тех событий более чем семидесятилетней давности.

Повествуя о военном прошлом, об издевательствах немецких оккупантов над безвинными детьми, женщинами и стариками, страдавшими от голода, холода и безысходности в концлагере «Озаричи», я был уверен, что его поэтическая душа была именно там, в болотно-тифозном мартовском аду 1944 года. Всю свою жизнь помним об этом - о скорбном исходе тысяч невинных детских душ. Будь они живы сегодня, уверен, что духовная жизнь Белоруссии и России была бы значительно богаче.

По программе Правительства Москвы в 2007 году была издана книга «Расстрелянное детство»: поэзия, проза и публицистика Леонида Тризна. Когда мне трудно, я раскрываю страницы этой книги и нахожу в строчках поэта поддержку. А в минуты покоя - источник радости и вдохновения. И сегодня не перестаю восхищаться его поэтической самобытностью, образными сравнениями, философским подходом к жизни и вечности... Книга «Расстрелянное детство» - честный рассказ поэта, одного из тех, кого война лишила детства. А пережитое вычеркнуть из памяти никому не дано. Ибо память наша сохраняет всё, можно только что-то очень горькое и трагическое спрятать в ней. Но, пишет Леонид Тризна, «вдруг ударит оттуда, из детства..., и всё- всё оживает снова и снова!».

И даже спустя десятилетия очень часто думаешь о том времени, не

понимая, как смогли выжить, когда погибали сотни тысяч твоих сверстников от голода, холода, болезней, непосильного труда, варварских «медицинских» экспериментов, в печах крематориев. За годы войны погибло более миллиона малолетних граждан Советского Союза. Подобных потерь не понесла никакая другая категория мирного населения не только СССР, но и Европы?

Поэтому у детей войны свое понимание мира и войны. Ведь многие бывшие малолетние узники могут рассказать, что только невероятное стечение обстоятельств позволило им остаться в живых. А главное - поддержка близких, прежде всего, матерей.

Сегодняшним молодым даже невозможно представить, как мы жили на разоренной врагом голодной и холодной земле. Ныне трудно представить, что Лёня Тризна, идя в первый класс в 1945 году, не знал ни букв, ни цифр, не говоря о таблице умножения. И это в восемь лет! Но ему уже довелось увидеть, услышать, пережить такое и столько, что не приведи Господи никому!

В белорусском издательстве «Книгосбор» в мае 2017 года вышел исследовательский труд А.П. Шкурана и М.Е. Синькевича под названием «ПОЛЕСЬЕ: Трагедия и память. ..» Авторы книги приводят девять замечательных стихотворений Леонида Тризны, в их числе: «Подранки», «Молитвами мамьш, «Озаричи», «Кредо».

Малолетние узники выросли непомерно рано. Их матери были и воспитателями, и учителями, и ангелами-хранителями. Они с полуслова, полувзгляда научились понимать своих детей безоговорочно. А мы, дети, научились воспринимать не только свою, но и чужую беду наравне со взрослыми. Беда каждого слилась с бедой тысяч других собратьев по несчастью. Многим так и не суждено было стать взрослыми. Избавиться от детских воспоминаний невозможно. Нам, родившимся за год, за два, за три, а то и за несколько дней до начала войны позднее думалось: как не

вовремя мы родились.

След непрожитых жизней детей растаял в истории - от многих из них не осталось даже фотографии ... Они исчезли во мраке бытия... Бесследно...

Ни имен, ни памяти...